

На правах рукописи

Преображенский Иван Сергеевич

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУРСЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ
(НА ПРИМЕРЕ КИРГИЗИИ, УКРАИНЫ И РОССИИ)**

Специальность 23.00.01 – Теория политики, история и методология политической науки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

2 1 МАЯ 2009

МОСКВА - 2009

Работа выполнена на кафедре сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Научный руководитель: - кандидат философских наук, доцент
Мчедлова Мария Мирановна

Официальные оппоненты: - доктор философских наук, профессор
Комаровский Владимир Савельевич

- кандидат политических наук, с.н.с.
Володенков Сергей Владимирович

Ведущая организация: Институт
научной информации
по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН)

Защита состоится « 04 » июня 2009 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.203.20 при Российском университете дружбы народов по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.10 корп. 2., ауд. 415

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки Российского университета дружбы народов.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,

доцент М.Н.Мосейкина

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Военные действия между Российской Федерацией и Грузией в августе 2008 г. наглядно продемонстрировала степень распада постсоветского пространства как единого целого. Мы можем предположить, что родственное культурное и этнополитическое пространство подвергается трансформации. Очевидная причина тому – разнонаправленная трансформации постсоветских политических систем в странах СНГ. «Политики, которые претендуют на статус государственных деятелей, не могут не понимать, что передвижение танковых колонн и бомбардировка территории одного члена СНГ другим членом СНГ - это вопрос не локального конфликта вокруг Южной Осетии, это вопрос кардинального изменения подходов к взаимодействию между государствами прежнего СССР»¹.

Между тем постсоветское пространство продолжают изучать и описывать как единую культурно-политическую сущность², а осознание происшедших изменений отстает от реально происходящих трансформационных процессов. Заметную роль в этом процессе играет субъективный личностный фактор: люди, родившиеся и выросшие в СССР, часто говорят на одном языке, но не понимают друг друга, поскольку вкладывают в слова разный смысл. За последние десятилетия у них сложились отличные одна от другой знаково-символические системы восприятия окружающего мира.

За прошедшие с момента развала СССР десятилетия радикально изменились системы межгосударственных союзов на постсоветском пространстве. В бывших «братских» республиках сформировались новые политические режимы, выработавшие свои, в большинстве случаев отличные от соседей, критерии оценки окружающего мира. Эволюционным путем или при активном участии национального политического класса, на фоне возрастающей медиатизации и

¹«Політики, які претендують на статус державних діячів, не можуть не розуміти, що пересування танкових колон та бомбардування території одного члена СНД іншим членом СНД - це питання не локального конфлікту навколо Південної Осетії, це питання кардинальної зміни підходів до взаємодії між державами колишнього СРСР», - заступник глави секретаріату президента України Андрей Гончарук. Цитується по офіційному сайту президента України: <http://www.president.gov.ua/news/10970.html>

² См. об этом: Человек постсоветского пространства: Сборник материалов конференции. / Под ред. В.В. Парцваня, выг. 3. - СПб., 2005; Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего/ Под ред. Караганова С.А. - М., 2007; Гельман В.Я. Из огня да в полымя? (Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе) // Полис, №2. - М., 2007. С. 81-108.

символизации политического пространства, в этих странах формируются собственные целостные политические дискурсы. Распад СССР на суверенные государства и рост национального самосознания оказали заметное влияние на ценностные ориентации в языковой политике, что сказалось и на употреблении русского языка как неродного в странах СНГ.

Постперестроечный период кардинально видоизменил административно-государственную структуру СССР: из бывших союзных республик сформировались новые государства, которые вышли из состава СССР. Однако русский язык, тем не менее, продолжает функционировать как язык межнационального общения, но уже не в составе единого государственного образования, а как бы за пределами его границ, на территории суверенных государств.

Происходит формирование собственных официальных политических дискурсов в результате трансформации уходящего в прошлое советского официального политического дискурса, который сумел пережить Советский Союз как политический институт. В большинстве государств центральным моментом становится выбор «государствообразующего» концепта. Наполнение этого концепта зависит от уровня общественного развития и специфики политической культуры и может быть в одних случаях традиционалистским, в других же, в условиях информационного общества, – преимущественно постмодернистским, то есть изменчивым и дробным, что обусловлено этнической фрагментацией, которая есть результат усиления глобальной миграционной активности в современном мире³.

Соответственно именно необходимость анализа и сравнения изменений, прогнозируемых и уже произошедших в политических дискурсах стран бывшего Советского Союза, и определяет актуальность данного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. В данной работе политика рассматривается преимущественно как коммуникационно-символическое пространство, в котором функционируют дискурсы.

³ См. об этом: Тоффлер А. Шок будущего. – М., 2001.

Подобный взгляд на политику стал возможен после так называемого «лингвистического поворота» в гуманитарных науках в 1960-х гг.⁴, позволившего приступить к разработке собственно политологической методологической базы для изучения политики, как коммуникативного пространства, а значит – изучения политического дискурса. В настоящее время исследовательская область, изучающая дискурс, является одним из наиболее активно развивающихся направлений современных общественных наук. Об этом свидетельствует растущее с каждым годом количество публикаций, научных конференций, университетских курсов и диссертаций, посвященных различным сферам применения теорий дискурса. Среди них следует выделить диссертационные исследования на соискание ученой степени кандидата политических наук: Г.М. Чамышева «Мифологический дискурс российского избирательного процесса»⁵, Н.В. Палева «Конструирование русского националистического дискурса и его «Другие» в 1860 - 1917 гг.»⁶, А.О. Кузнецова «Дискурс глобализма и альтерглобализма в современном политическом процессе»⁷.

Кроме того, с 2001 г. в рамках форумов, проводимых Европейским центром политических исследований⁸, действует секция, где рассматривают теоретико-методологические вопросы применения анализа дискурса при исследовании политических процессов.

Изучением политического дискурса занимается значительное число российских и зарубежных ученых. Базовыми исследованиями можно считать труды Г. Лассуэла⁹, представителей социолингвистического направления Э.

⁴ См. об этом: Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика - М., 1994; Calvet J. – L. Language wars and linguistic policy. – N.Y., 1998; Греймас А. Структурная семантика - М., 2002; Lasswell H.D., Leites N. Language of politics: Studies in quantitative semantics. – N.Y., 1949; Metz C. La grande systematique du film narratif // Communications, №8, 1963; Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVII. - М., 1986; Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVII. - М., 1986; Чейф У. Л. Значение и структура языка. - М., 1975; Бахтин М.М. Слово в романе. // Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975; Кашельсон С.Д. Содержание слова: значение и обозначение. - М., 1965; Степанов Ю.С. Язык и наука конца XX века. Сб. статей. - М., 1995.

⁵ Чамышев Г.М. Мифологический дискурс российского избирательного процесса. - Автореф... канд. полит. наук. - Саратов, 2006.

⁶ Палева Н.В. Конструирование русского националистического дискурса и его «Другие» в 1860 - 1917 гг. - Автореф... канд. полит. наук. - СПб., 2006.

⁷ Кузнецов А.О. Дискурс глобализма и альтерглобализма в современном политическом процессе. - Автореф... канд. полит. наук. - Пермь, 2008.

⁸ См. об этом: <http://www.epin.org/new/pastevents> Официальный сайт Европейской сети политических институтов, действующей в рамках Европейского центра политических исследований. 2009.

⁹ Lasswell H.D., Leites N. Language of politics: Studies in quantitative semantics. – N.Y., 1949.

Хаугена¹⁰ и Дж. Фишмана¹¹, Э. Гоффмана¹², Г. Гарфинкеля¹³ и А. Сикуреля¹⁴, последователей школы структурной антропологии К. Леви-Стросса¹⁵, и неоструктуралистов Р. Барта¹⁶, А. Ж. Греймаса¹⁷, Ц. Тодорова¹⁸, Ю. Кристевой¹⁹, У. Эко²⁰, К. Меца²¹, К. Бремона²². Параллельно важность исследований прагматических связей между лингвистическими структурами и социальными действиями подтвердили создатели теории речевых актов Д. Остин²³, Д. Серль²⁴ и П. Грайс²⁵ и их последователи.

Работы Т. ван Дейка²⁶ и представителей американской школы (Р. Лангакер²⁷, Т. Гивон²⁸, У. Чейф²⁹) посвящены выделению дискурсивного анализа как отдельной дисциплины. Особую роль эта группа исследователей отводила изучению роли СМИ в процессе коммуникации и углубленно исследовала именно эти механизмы. Моментом институционализации политической лингвистики и, соответственно, политического дискурса как отдельных отраслей политологии можно считать 1995 год, когда состоялась Ежегодная конференция Бельгийского лингвистического общества, целиком посвященная политической лингвистике³⁰.

Среди зарубежных работ следует также отдельно отметить труды П. Серю³¹ и его коллег, занимавшихся изучением советского политического дискурса. Им

¹⁰ Новое в лингвистике, Вып.: Социолингвистика. Вып. VII. 1975. С. 441-472.

¹¹ Calvet J. – L. Langue wars and linguistic policy. – N.Y., 1998. P. 116.

¹² Goffman E. Interactional Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior – N. Y., 1967.

¹³ Garfinkel H. Studies in ethnomethodology – New Jersey: Prentice Hall, 1967.

¹⁴ Cicourel A. Cognitive Sociology – London, 1973.

¹⁵ Леви-Стросс К. Лингвистика и антропология // Личность. Культура. Общество - М., т.2, вып. 3, 2000.

¹⁶ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика - М., 1994.

¹⁷ Греймас А. Структурная семантика - М., 2002; Греймас А. Договор вердикции // Язык. Культура. Философия. - Вильнюс, 1986.

¹⁸ Todorov T. Grammaire du Decameron. – Paris, 1969.

¹⁹ Kristeva J. Semeiotike. Recherches pour une semanalyse. – Paris, 1969.

²⁰ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. - СПб., 1998.

²¹ Metz C. La grande systematique du film narratif // Communications, №8, 1963.

²² Bremon C. Logique du recit. – Paris, 1973; Bremon C. Le message narrative. – Paris, 1964.

²³ Остин Дж. Л. Избранное: Как совершать действия при помощи слов? Смысл и сенсibilität. Чужое сознание. Истина. Значение слова. - М., 1999.

²⁴ Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. - М., вып. XVII, 1986; Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - М., вып. XVII, 1986.

²⁵ Грайс У. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. - М., вып. XVI, 1985.

²⁶ Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. - М., вып. XXIII, 1988; Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989; Дейк Т. А. ван. Расизм и язык. - М., 1989; Dijk T. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. – London, 1998.

²⁷ Langacker R.W. Functional stratigraphy // R.E. Grossman ed. Papers from the parasession on functionalism. – Chicago, 1975.

²⁸ Givón T. Topic, pronoun and grammatical agreement / C.N. Li. ed. Subject and topic. – N.Y., 1976. P. 149-188.

²⁹ Чейф У. Л. Значение и структура языка. - М., 1975.

³⁰ См. об этом: Blommaert J. Language and politics, language politics, political linguistics // Belgian journal of linguistics, Bruxelles, №11, 1997.

³¹ Seriot P. Analyse du discours politique sovietique // Cultures et Societes de l'Est. - Paris, 1985.

удалось доказать важность языковой основы для каждого конкретного дискурса и фактическую неперебиваемость так называемых тоталитарных дискурсов, в частности «деревянного языка» - официального политического дискурса Советского Союза.

Надо также отметить работы, посвященные описанию методов анализа и интерпретации дискурса. В настоящий момент следует назвать два основных метода, которые опираются на различные трактовки политического дискурса. Это более традиционный чаще используемый, в журналистике и социологии, метод контент-анализа и метод, так называемого дискурс-анализа, особенно активно разрабатываемый в рамках политологии в последние годы³².

На проблемы, связанные с изучением политической коммуникации и политического дискурса в России советского периода первыми обратили внимание еще В. Пропп³³, С. Кацнельсон³⁴ и М. Бахтин³⁵ и др.

Сегодня в России методы анализа политического дискурса и политической коммуникации разрабатывают такие исследователи как М. Анохин³⁶, А. Баранов³⁷, С. Володенков³⁸, М. Грачев³⁹, В. Демьянков⁴⁰, В. Комаровский⁴¹, Д. Максимов⁴², О. Малинова⁴³, Б. Паршин⁴⁴, О. Русакова⁴⁵, А. Соловьев⁴⁶, А. Трахтенберг⁴⁷, М.

³² См. об этом: Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа//Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. - М., №3, 2002; Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. - М., 1997; Герасимов В.И., Ильин М.В. Политический дискурс-анализ//Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. - М., №3, 2002; Мухарямов Н.М., Мухарямова Л.М. Политическая лингвистика как научная дисциплина//Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. - М., №3, 2002; Толтыгина О.А. Дискурс и дискурс-анализ в политической науке//Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. - М., №3, 2002.

³³ Пропп В.Я. Морфология сказки. - Ленинград, 1928; Пропп В.Я. Русская сказка. - Ленинград, 1984.

³⁴ Кацнельсон С.Д. Содержание слова: значение и обозначение. - М., 1965.

³⁵ Бахтин М.М. Слово в романе. / Вопросы литературы и эстетики - М., 1975.

³⁶ Анохин М.Г. Политические технологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - М., № 2, 2000.

³⁷ Баранов А.Н. Политический дискурс: методы анализа тематических структур и метафоричности. - М., 2004.

³⁸ Володенков В.С. Информационно-психологические войны и массовое сознание. // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки, №3. - 2003.

³⁹ Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. - М., 2005; Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий "политическая коммуникация" и "политическая информация" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - М., №4, 2003.

⁴⁰ Словарь англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / Под ред. Демьянкова В.З. вып.2. - М., 1982.

⁴¹ Комаровский В.С. Политическая идентификация России в свете идеологии "суверенной демократии"// <http://russtand.513.com1.ru/Journal2-2008.pdf> - электронный журнал «Научный эксперт», №2, 2008; Управление общественными отношениями / Под общ. ред. В.С. Комаровского. - М., 2003.

⁴² Русакова О. Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса. // Полис, № 4 (94), 2006.

⁴³ Малинова О.Ю. Дискуссии о государстве и нации в постсоветской России и идеологема "империи". // Политическая наука, №1, 2008.

Фадеева⁴⁸, О. Шабров⁴⁹, Е. Шестопал⁵⁰. В их работах речь идет преимущественно о методах анализа политического дискурса, определении наиболее адекватных для этого научных методов, выделении дисциплин, посвященных отдельным аспектам политического дискурса. М. Ильин⁵¹, Б. Межуев⁵² и Ю. Степанов⁵³ особое значение придают ключевым единицам политического дискурса.

Также для определения этимологии и концептуального осмысления объекта исследования в данной работе были полезны труды ученых, посвященные изучению роли национально-этнического фактора в политическом процессе, в частности Э. Геллнера⁵⁴, лорда Актона⁵⁵, С. Радкевича⁵⁶ и общетеоретические работы Э. Ожиганова⁵⁷, А. Мадатова⁵⁸, Т. Парсонса⁵⁹, А. Ушкова⁶⁰, Д.

⁴⁴ Паршин П.Б. Семиотика социальных институтов и споры об "интеллектуальной собственности" // Полис. - №2, 2004.

⁴⁵ Рукаова О. Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса. // Полис, № 4 (94), 2006; Рукаова О.Ф. Радикализм в России и в современном мире: вопросы типологии. – Екатеринбург, 2001.

⁴⁶ Соловьев А.И. Основания политической идентификации имеют разноуровневый характер// http://rusrand.513.com1_ru/Jornal2-2008.pdf - Электронный журнал «Научный эксперт». № 2, 2008; Соловьев А.И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики. // Полис, №6, 2002.

⁴⁷ Трахтенберг А. Д. Дискурсивный анализ массовой коммуникации и парадоксы левого сознания// Полис, №4, 2006.

⁴⁸ Фадеева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нацизма» в современной России// Полис, №4, 2006.

⁴⁹ Шабров О.Ф. Социальное разнообразие и проблемы управления в России и в мире // Россия: приоритетные национальные проекты и программы развития: Сборник научных статей. - М.: РАГС, ИНИОН, СЗАГС, вып.6. часть 1, 2007; Шабров О.Ф. Политическое управление: система или псевдосистема? // Анализ систем на рубеже тысячелетий: теория и практика: Тезисы Международной научно-практической конференции. Москва. 16-18 декабря 1997 г. - М., 1997.

⁵⁰ Шестопал Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России// Полис, №3, 2005; Шестопал Е.Б. Личность и политика. Критический очерк современных западных концепций политической социализации. - М., 1988.

⁵¹ Ильин М.В. Искушения простотой//Политическая Россия: Предмет и методы изучения. - М., 2001; Ильин М.В. Политический дискурс как предмет анализа//Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования, - М., №3, 2002; Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. - М., 1997.

⁵² Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / Под ред. Бляхера Л.Е., Межуева Б.В., Павлова А.В. - СПб., 2008.

⁵³ Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. - М., 1995.

⁵⁴ Геллнер Э. Пришествие национализма, мифы нации и класса // Нации и национализм. - М., 2002.

⁵⁵ Актон лорд. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм. - М., 2002.

⁵⁶ Радкевич С.Б. Партия и этнос//Стратегия России, №4, 2004.

⁵⁷ Ожиганов Э.Н. Системный кризис власти в СССР: об искусстве прогнозирования политических событий // Общественные науки и современность, №2, 1991.

⁵⁸ Грачев М.Н., Мадатов А.С. Демократия: методология исследования, анализ перспектив. - М., 2004.

⁵⁹ См. об этом: Парсонс Т. О социальной системе. - М., 2002; Парсонс Т. Система современных обществ. - М., 1998.

⁶⁰ Ушков А.М. Современная геополитика // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология, № 3, 1997.

Слизовского⁶¹, и др. по политическим наукам и, в частности, по политической коммуникации⁶² и прогнозированию политических процессов.

В отдельную группу следует выделить работы Л. Фишмана⁶³, М. Элиаде⁶⁴, К. Хюбнера⁶⁵, В. А. Шнирельмана⁶⁶, изучавших влияние мифов и мифотворчества на политический процесс и трансформацию ключевых единиц дискурса.

Также необходимым с точки зрения достоверности результатов было изучение актуальных работ, посвященных экономическому положению, культуре, языковой ситуации, состоянию политических режимов в Киргизии⁶⁷, России и на Украине⁶⁸.

Вместе с тем, анализ научной разработанности выбранной проблемы показывает, что затронутые в предмете данного диссертационного исследования вопросы не в полной мере получили на сегодняшний момент теоретическое осмысление: представлены отдельные методы анализа политического дискурса, описания и анализа ключевых единиц дискурса, его связи с мифами, составляющими символическую основу для новообразованных на постсоветском пространстве государств. Однако исследования, посвященные сравнительному анализу политических дискурсов постсоветских государств, языковой основой которых является русский язык, являются крайне редкими и их недостаточность только подтверждает актуальность выбранной проблемы исследования.

⁶¹ Слизовский Д.Е. Актуальные аспекты теоретико-методологического анализа российской демократии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, № 1 (6), 2006.

⁶² См. об этом: Анохин М.Г., Павлютенкова М.Ю. Информационно-коммуникативные технологии в политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, № 1, 1999; Грачев М.Н. К вопросу об определении понятий "политическая коммуникация" и "политическая информация" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, № 4, 2003.

⁶³ Фишман Л. Политический миф и идеология: «опасное сближение»? // Полис, №4, 2006.

⁶⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. – М., 2000.

⁶⁵ Хюбнер К. Истина мифа – М., 1996.

⁶⁶ Шнирельман В.А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестник Омского университета, вып. 1, 1998; Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Аналитическая серия. – М., №3, 2000.

⁶⁷ См. об этом: Стратегическая матрица Кыргызстана. Ретроспектива, современность и сценарии будущего развития. / Под ред. Байшуакова А. Б. – М., 2007; Акаева Б. А. Цветы зла. О так называемой «стольгановой революции» в Кыргызстане. – М., 2006; Акаев А. Дипломатия Шелкового пути. Доктрина президента Кыргызской республики. – Бишкек, 1999; Гражданский мир и согласие в Кыргызстане (материалы круглого стола) // Центральная Азия и культура мира, Бишкек, №1-2 (8-9), 2000; Киргизский переворот (март-апрель 2005) – М., 2005.

⁶⁸ См. об этом: Радкевич С. Б. Кто вы, Мг. Янукович? // Ежедневная газета Россия, №032, 2006; Мясников О.Г. Язык в национальном дискурсе // Академические чтения-2000. Проблемы социально-гуманитарных наук. Межвуз. сб. ст. - Донецк, 2000; Концепция нации в дискурсе украинской элиты // Вестник МЕРГ, №10, 2002.

Целью данной работы является выявление трансформации политического дискурса в постсоветских государствах (Россия, Украина, Киргизия) под влиянием манипулятивного воздействия на ключевые единицы русскоязычного политического дискурса или в результате искусственного конструирования новых ключевых единиц.

Данная цель конкретизируется через анализ политических мифов, сложившихся в последние годы в Киргизии, в России и на Украине, оценку степени их эффективности и, соответственно, степени их влияния на политический процесс в этих странах.

Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Учитывая роль современных систем коммуникации в глобализирующемся обществе обосновать необходимость анализа политического процесса через изучение дискурса и его ключевых единиц.
2. Дать дефиниции понятий дискурса и коммуникаций, проиллюстрировав определение политики как современного процесса коммуникации, где инфляции подвергаются не только осязаемые, институционализированные субъекты политического процесса, но и вся знаково-символическая система.
3. На основе разделения понятий политический дискурс и политическая коммуникация предложить разграничивать области применения контент-анализа и дискурс-анализа, закрепив за первым сферу коммуникационного акта, а за вторым – моделирование собственно дискурсивных процессов.
4. Дать определение концепта дискурса, как ключевого инструмента манипулятивного влияния на процесс трансформации политического мифа, который является идеологической основой политического режима.
5. Продемонстрировать связь категорий «дискурс» и «миф» посредством анализа их ключевых единиц и описать роль политических мифов в процессе формирования современной политической реальности.
6. На основе сравнительного анализа и описания базовых единиц политических дискурсов продемонстрировать конструктивный и негативный потенциалы возможного манипулятивного воздействия на миф, играющий роль идеологической основы для политического режима.

7. Показать разнонаправленную трансформацию политических дискурсов, а с ними и всей политической системы Киргизии, России и Украины, подчеркнуть роль трансформационных процессов в политическом мифе и определить вектор изменения политических систем этих стран.

Объектом исследования является русскоязычный политический дискурс в постсоветских государствах.

Предметом исследования являются концепты политического дискурса, а также способы их манипулятивной трансформации, ставшие важным инструментом формирования новых государственных мифов в Киргизии, на Украине и в России, где языковую основу для политического дискурса составляет русский язык.

Методологической базой исследования послужила совокупность *методов*, эвристически и гносеологически оправданных целями и задачами диссертационной работы: восхождение от конкретного к абстрактному, анализ и синтез; дедукция и индукция; а также методы социально-гуманитарных дисциплин: соответствия исторического и логического, метод содержательной интерпретации феноменов и процессов, компаративный метод, контент-анализ, дискурс-анализ.

В рамках этих методов привлекались *методики* мониторинга СМИ, контент-анализа, дискурс-анализа, фокус-групп; а также *специализированные методы* политической лингвистики и политической дискурсологии, такие как, речевой и текстовый анализ, которые особенно эффективны для вычленения и описания ключевых единиц исследуемых объектов. При рассмотрении новых способов структурирования политического мифа используются положения теории политической коммуникации, а также метода деконструкции мифа.

Помимо методов собственно политического исследования для решения поставленных задач были привлечены методы научного исследования, разработанные в рамках других гуманитарных наук, в особенности филологии, лингвистики и социолингвистики. В частности, при описании сущности политических дискурсов Украины и Киргизии автор применяет методы политической лингвистики, например, структурный анализ текста, семантический и этимологический разборы, анализ бытовой коммуникации, а также дискурсивный анализ.

Теоретическую базу исследования составляют, в первую очередь, работы основоположников теорий политической коммуникации и различных школ изучения политического дискурса, а также междисциплинарные исследования по политической филологии и политической лингвистике, а также труды в области семиотики и семантики. Кроме того, автор опирается на современные отечественные и зарубежные научно-теоретические исследования в области философии мифа и этнополитики.

Эмпирическая база. Ряд теоретических положений был сформулирован непосредственно в результате анализа автором эмпирического материала, извлеченного методами: фокус-групп, контент-анализа - из прессы трех республик, а также специальных зарубежных изданий, интернет-форумов в доменных зонах трех республик (Ru, Ua, Kg), официальных документов русскоязычного информационно-речевого пространства Киргизии, Украины и России. Автор, в некоторых своих заключениях, опирается также на опубликованные научно-теоретические данные и результаты экспертных интервью, ранее проводившихся в России и за рубежом.

Гипотеза исследования

Все самостоятельные разнообразные постсоветские политические дискурсы восходят к первоначально единой знаковой базе. Следовательно, трансформация постсоветского политического пространства, то есть, превращение его в конгломерат элементов, связанных преимущественно единым историческим прошлым, - это распад не юридической общности, а общего коммуникационного или дискурсивного поля. Располагая достаточно богатым материалом, демонстрирующим вариативность преобразований постсоветских политических дискурсов, можно выявить их трансформационные закономерности. Что позволяет прогнозировать возможные векторы трансформации будущих дискурсов и их ключевых единиц. То есть, предугадывать векторы развития идеологического и политического процесса в странах, образовавшихся после распада СССР.

Научная **новизна** работы состоит в том, что в ней:

- Операционализованы и определены новые средства репрезентации понятий *политический дискурс* (как пространства политического в

информационном обществе), ключевая единица дискурса - *концепт*, который подтвержден манипулятивному воздействию, *этнополитический миф*.

- Впервые *концепт политического дискурса* рассматривается как ключевой элемент формирования *этнополитического мифа*;

- Осуществляется анализ трех политических дискурсов постсоветских стран, лексическую основу для которых составляет русский язык (на примере Киргизии, России и Украины);

- Выявляется разнонаправленная трансформация политических дискурсов, наследующих советскому официальному политическому дискурсу: возвращение к традиционной архаичной форме и построение на основе ключевых единиц дискурса постмодернистского политического мифа.

Основные положения выносимые на защиту

1. Изучение такой специфической общности как постсоветское пространство требует привлечения помимо собственно методов классической политической науки, также научных методов, применяемых в междисциплинарных исследованиях, например, в рамках политической лингвистики. Это связано с тем, что среди наиболее важных признаков, на основе которых можно объединить постсоветские страны в одно сообщество, на первом месте стоит использование русского языка как языка межнационального общения, а также языка для повседневного общения значительной части населения.

2. Представляется адекватным, для решения поставленных задач, рассматривать политический процесс как в значительной степени коммуникативный - в пределах политической сферы, то есть в рамках борьбы за власть и ее удержание. В этом случае ключевым понятием при анализе политического процесса становится политический дискурс. Одновременно в данных методологических координатах возрастает и гносеологическая ценность его ключевых единиц – концептов.

3. Политический дискурс как коммуникативное пространство, непосредственно зависит от языка, на основе которого строится речевая часть дискурса. На постсоветском пространстве даже сегодня во многих государствах это русский язык. В данной работе автор предлагает понимать под политическим

дискурсом *информационное поле, представляющее собой совокупность лексических единиц, политических символов, смыслов, знаков и социальных факторов в области политического*, что позволяет проводить сопоставительный и этимологический анализ русскоязычных политических дискурсов этих стран.

4. В данной работе, предлагается авторское определение, в соответствии с которым *концепт* выступает как *центральная единица политического дискурса, не имеющая адекватной передачи в языке, однако являющаяся практически неизменной в своей содержательной основе – меняются лишь обозначения, указывающие на него в дискурсе*. В соответствии с этим определением, концепты суть слабоизменяемые элементы политического дискурса. Однако и они могут подвергаться трансформации, особенно посредством манипулятивного воздействия, что становится причиной их превращения в основу для формирования вокруг них политического мифа.

5. Дискурс выступает как информационное поле, дискурс-анализ – это основной метод, наиболее подходящий для изучения этого поля, концепт – ключевая единица дискурса, в том числе, и политического дискурса, а политический миф является результатом эволюционной или манипулятивной трансформации концепта политического дискурса. Соответственно резко возрастает и роль тех концептов, которые выступают основой этнополитического мифа. В работе предпочтение отдано именно термину «этнополитический миф», как наиболее полно передающему роль национального и языкового фактора.

6. Манипулятивное воздействие на концепты политического дискурса допустимо только при условии согласия акторов, действующих в рамках одного политического дискурса, с ключевой символической ролью именно данного концепта для формирования нового этнополитического мифа. Об этом, в частности, свидетельствует современная ситуация на Украине, где манипуляция со смыслами приводит к дестабилизации политической ситуации в стране. В то же время, схожие манипулятивные приемы, применяемые в Киргизии, конструируют миф, укрепляющий основы государства. Успешной попыткой манипулятивного воздействия на мифологическое пространство можно признать формирующийся новый политический дискурс современной России, который представляется

примером конфликтного по форме, но позитивного по результату постмодернистского мифа.

7. Наличие политических дискурсов, имеющих общую стартовую точку, позволяет с очевидной ясностью фиксировать этапы их развития, сравнивать цели и эффекты от манипулятивного воздействия на эти дискурсы, а также фиксировать основные постулаты мифов, которые выстраиваются вокруг ключевых концептов дискурса. Их сравнение позволяет говорить об их разнонаправленном развитии, констатировать в одной части постсоветского пространства стремление вернуться, с разной степенью успешности, в традиционное общество, а в другой – манифестируемое желание построить информационное общество, основой которого станет постмодернистский идеологизированный миф.

Научно-теоретическая значимость работы заключается в уточнении, в рамках политологии, терминов: *политический дискурс*, *концепт политического дискурса*; в выявлении *концепта политического дискурса* в качестве ключевого элемента *этнополитического мифа*, а также в выделении русского языка как выразительного средства, обеспечивающего преемственность новых политических дискурсов по отношению к советскому официальному политическому дискурсу. Это позволяет использовать метод дискурс-анализа для изучения этнополитического мифа, а также говорить о допустимости сравнения политических дискурсов разных государств, при условии, что в основе их лежит один и тот же язык.

Практическая значимость работы.

Изучение законов формирования и трансформации политического дискурса и его ключевых единиц – концептов, дает исследователям новые возможности для анализа политических процессов и институтов. В данной работе результаты анализа политического дискурса использованы для сравнения изменений, произошедших в политических системах России, Киргизии и Украины. В будущем применение этого метода позволит более четко анализировать коммуникационное поле в республиках, входивших в состав СССР. Данные, полученные в ходе исследования, и предложенный методологический аппарат, позволят исследователям более четко прогнозировать векторы развития постсоветских

государств, избежать непонимания при использовании русского языка в условиях разных знаково-символических систем.

Полученные результаты могут применяться в деятельности консалтинговых структур, работе государственных институтов, задействованных в дипломатической деятельности, а также при чтении курсов по международным отношениям, теории политики и политической коммуникации.

Апробация работы

Основные положения данной работы были апробированы при написании аналитических статей для раздела комментариев газеты «Ведомости» (Учредители Financial Times и The Wall Street Journal) и аналитических материалов для информационного сайта политических комментариев «Политком.ру» (создание и поддержка – Центр политических технологий), аналитических обзоров, опубликованных на сайте информационного агентства «Росбалт», в выступлении на международной конференции «Русский язык в новых независимых государствах: реалии, возможности, перспективы», организованной совместно Фондом «Наследие Евразии» и Фондом «Русский мир» (29 февраля 2008 г., Москва), в ходе работы автора в рамках V-VI Международных молодежных политических Форумов «ФОРОС» (2002 и 2003 г.г.), а также I Международного молодежного политического Форума «Форос – Санкт-Петербург» 2003 (2-6 апреля 2003 года, Санкт-Петербург, СПбГУ); а также в рамках проведения круглых столов: «Участие молодежи в выборах президента 2004» (18 сентября 2004 года, Санкт-Петербург, пресс-центр ИА «Росбалт») и «Прогнозы будущего России: взгляд прогрессивной молодежи» (23 апреля 2005 года, МГУ); в выступлении автора на VII международной научно-практической конференции «Векторы развития современной России: наука и общество (18-19 апреля 2008 г. Московская высшая школа социальных и экономических наук); в выступлениях на первом (17-18 февраля 1998 г.) и третьем (28–29 апреля 2003 г.) Всероссийских конгрессах политологов.

Диссертация обсуждена на кафедре сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, что обусловлено поставленными задачами и исследовательской логикой.

Основное содержание работы

Во введении обоснована актуальность избранной темы, охарактеризована степень ее разработанности, определены цель и задачи диссертации, аргументированы теоретико-методологические основания исследования, сформулированы авторская гипотеза и основные положения, выносимые на защиту, показана теоретическая и практическая значимость результатов, полученных в диссертационном исследовании.

Первая глава «*Концепт политического дискурса и его роль в построении этнополитического мифа*» посвящена истории формулировки в рамках политической науки дефиниции *дискурс*, ее соотношению с понятием языка политики, а также различным подходам к ее изучению.

Первый параграф «*Политическая лингвистика: этапы теоретической эволюции*» посвящен проблеме соотношения языка и политики: коммуникативного эффекта и осмысленного взаимодействия.

Принято считать, что имеется несколько основных целевых областей исследования языка в политике и политики в языке. В частности, в области языковой политики и языкового планирования выделяется авторитетный (полномочный) дискурс, выступающий как инструмент формирования предпочтительной языковой ситуации в обществе. Также, важной проблемой для научного и практического осмысления представляется роль языка в процессе строительства государства-нации. А в последние годы все большее место уделяется вопросу о связи языка и символической власти.

В этом параграфе устанавливается соотношение понятий текст, дискурс, коммуникация. Анализ существующих научных школ, изучающих политическую коммуникацию и политический дискурс, позволяет разграничить два этих сходных, но не тождественных понятия. В работе принимается определение политической коммуникации как совокупности процессов информационного обмена, передачи

политической информации, стимулирующих и структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение в рамках речевой деятельности.

Во втором параграфе «*Политический дискурс: сущность и ключевые единицы*» анализируется современная ситуация, сложившаяся вокруг изучения политического дискурса. Констатируется, что существует множество противоречащих друг другу определений *политического дискурса*, что мешает разработать в рамках политической науки единую методологию анализа указанного объекта. Такая ситуация обязывает предложить обобщающую дефиницию политического дискурса, в соответствии с которой *политический дискурс – информационное поле, представляющее собой совокупность лексических единиц, символов, знаков, социальных факторов и смыслов в области политического (то есть борьбы за захват, удержание и использование власти)*. Подтверждается, опираясь на работы П. Серию и Ю. Степанова, что существование *политического дискурса* в значительной мере зависит от того национального языка, который становится его базой. Этот факт неизбежно требует привлечения, наряду с прочими, лингвистических методов изучения и описания названного дискурса.

Констатация наличия в основе дискурса ключевых единиц – концептов требует также определить и эти единицы. Как представляется, *концепт выступает центральной единицей дискурса, чаще всего не имеющей адекватной передачи в языке* (полного соответствия по смыслу с одной из лексических единиц), *который, однако, является практически неизменным в своей основе – меняются лишь слова и знаки, при помощи которых он отражается в дискурсе*. Концепт, в отличие от единиц политической коммуникации, является точкой концентрации смысла. Он состоит из группы знаковых и лексических (слов) единиц, которые бессмысленны в отдельности друг от друга, но формируют единое смысловое пространство, где не соподчинены друг другу. В этом случае, очевидно, что и дискурс не равен сумме концептов.

Однако только в рамках дискурса можно пытаться стимулировать трансформацию концептов или формировать концепты искусственно, что позволит производить глубинную трансформацию политической реальности, включая новые семантические построения.

Таким образом, вычленение концепта представляется главной проблемой анализа политического дискурса, а возможность темпоральной трансформации, мнимой или реальной, концепта политического дискурса - главной сложностью, встающей перед исследователем при анализе дискурса.

Параграф третий *«Методы анализа политического дискурса и трансформация его ключевых концептов»* посвящен, на основе полученных ранее определений, выбору метода анализа политического дискурса, наиболее подходящему его сущностному строению и концептуальной основе. Выбор происходит между контент-анализом и дискурс-анализом, основной которого могло бы стать изучение трансформации концептов политического дискурса.

Сравнение двух возможных методов изучения политического дискурса позволяет установить, что контент-анализ претендуя на объективность математических вычислений, отдаст разработку основной программы в руки исследователя, который задает ее исходя из своих субъективных оценок роли единиц дискурса. Кроме того, он разработан для вещательной модели коммуникации, следовательно, не охватывает все поле политического дискурса. В свою очередь, дискурс-анализ до сих пор не имеет четкой методологической базы, поэтому основывается исключительно на эмпирических заключениях и не имеет собственного понятийного аппарата и заимствует понятия из смежных с политологией наук. Таким образом, каждый из двух основных методов анализа политического дискурса недостаточно точен. Тем не менее, ориентированность контент-анализа на изучение политического процесса через лексические единицы, не позволяет анализировать концепты. Как следствие, для разработки более современных методов анализа, основывающихся уже на анализе политического дискурса исключительно через описание его ключевых концептов, дискурс-анализ пока остается наиболее эффективным методом анализа дискурса.

Вторая глава *«Этнополитический миф и концепты политического дискурса»* посвящена оценке вероятности и значимости манипуляций в рамках политического дискурса, связи между искусственным построением концептов и формированием этнополитических мифов посредством политического дискурса. В этой части работы отмечается возросшая в прошлом столетии роль политического

мифа, отмечается что изначальный, эсхатологический миф являлся существенной составной частью идеологии авторитарных движений последнего столетия.

Первый параграф *«Этнополитический миф и политические мифотворцы»* посвящен анализу сущности этнополитического мифа.

Сформированный при помощи искусственного дискурса, миф играет инструментальную роль, для обслуживания очевидных актуальных задач. Этнополитический миф однозначен, может быть направлен как в прошлое, так и в будущее. В любом случае он апеллирует к ценностям, претендующим на аксиоматичность. Этнополитический миф даже сегодня, в век информационного общества и постепенного исчезновения глобальных идеологий, остается символической основой любого государства, чья устойчивость во многом зависит от устойчивости этого мифа. От соотношения в нем имманентно присущих данному обществу признаков и неизбежно присутствующей, через ключевые концепты, дискурсивной (зачастую манипулятивной) составляющей.

Во втором параграфе *«Концепты русскоязычных политических дискурсов постсоветских государств как основа для формирования новых этнополитических мифов»* рассматриваются факторы, осложняющие процессы эффективной социализации личности в новые полиэтничные сообщества, образовавшиеся на постсоветском пространстве. Проблемы кроются в том, что многие из государственных языков до сих пор нуждаются не только в терминологическом, но и в лексико-семантическом и стилистическом обогащении для обеспечения качественного и современного официального дискурса. Реальная оценка фактических возможностей языков, получивших статус государственных, приводит к осознанию того, что не все сферы информационно-коммуникативного пространства могут быть действительно обеспечены с их помощью в равной степени эффективно. Это касается даже тех стран, где смены собственно языка внутригосударственного общения не происходит, а меняется только официальный политический дискурс.

Следствием этого стало некое подобие «дискурсивного вакуума», образовавшегося на постсоветском пространстве, где в большинстве стран наблюдается отсутствие господствующего политического дискурса, а значит и четкой трактовки значения основных неизменных концептов. Это создаст

возможность для широкой манипуляции сознанием граждан молодых государств. Для этого используется мнимая трансформация концептов политического дискурса при помощи изменения смысла лексических единиц (слов), ранее передававших значение ключевого концепта.

Третья глава «*Концепты русскоязычных политических дискурсов постсоветских государств как основа для формирования новых этнополитических мифов*» посвящена исследованию взаимоотношений между советским официальным политическим дискурсом и современными политическими дискурсами России, Украины и Киргизии, при очевидной историко-лингвистической связи этих стран.

В этой части работы констатируется, что более 15 лет, прошедшие после распада СССР, ставшие годами суверенного развития и функционирования государственных языков, не привели, в некоторых молодых государствах, к построению национального политического дискурса на официальном государственном языке или на языке титульной нации. Некоторые национальные языки оказались просто не готовы к формированию на их основе политического дискурса. В то же время, появление новых государств с новыми официальными языками вместо русского, спровоцировало расслоение общества не только по социальным, но и по языковым признакам. Что, по мнению автора, привело к стремлению отдельных групп влияния добиваться сохранения элементов прежнего политического дискурса, в первую очередь, его языковой основы.

В первом параграфе «*Киргизия или Кыргызстан: опыт формирования традиционалистского этнополитического мифа*» анализируется центральный мифобразующий концепт Республики Киргизия – концепт *Кыргызстан*. Анализируется языковая ситуация, сложившаяся после развала СССР в Киргизии, разделение правящей элиты и основной массы населения по языковому признаку и господствующая роль русского языка при формировании новой государственности. Затем, на основе открытых источников, анализируется постепенное изменение политического дискурса Киргизии, отраженное через трансформацию ключевого концепта *Кыргызстан* от объединительного, общего для всех этнических групп республики, до узконационального, основы для узконационального этнополитического мифа. Проводится краткий анализ

современной ситуации, а через него и этнополитического мифа, ставшего при первом президенте страны Аскаре Акаеве основной государственной идеологии и официального дискурса. На основе анализа официальных документов, выступлений киргизских политических деятелей и русскоязычных киргизских интернет-форумов становится очевидна связь между обсуждением понятия «Кыргызстан» и политической борьбой за власть внутри киргизской политической элиты. Благодаря своей всеохватности концепт «Кыргызстан» становится практически ключом к получению власти в молодом государстве. Иначе говоря, акторы, формирующие «повестку дня» киргизского политического дискурса (в его русскоязычной версии), формируют и языковой фон для этого искусственно созданного концепта.

Параграф второй *«Украинская Соборность: опыт построения этнополитического мифа в расколотом обществе»* посвящен анализу роли в украинском политическом дискурсе концепта *Соборность*, который является центральным для формируемого властями этого государства этнополитического мифа. Описываются основные составляющие концепта *Соборность*, предлагается анализ роли этого концепта при проведении деления в рамках украинского политического дискурса по принципу «свой-чужой». Устанавливается, что данный концепт, вопреки очевидной этимологической «объединительности», провоцирует распад общеукраинского дискурсивного поля. Проводится анализ влияния формируемого манипулятивным путем этнополитического мифа на различные регионы Украины, так что становится очевидной роль в процессе мифотворчества русского языка. Через анализ формируемой на Украине мифологической системы, определяются имманентно присущие ей характеристики, провоцирующие раскол, а не «соборнос» объединение внутри украинского социума. Таким образом, ключевой концепт, избранный государствообразующим в манипулятивном политическом дискурсе Украины, становится разделяющим, а не объединяющим инструментом в процессе конструирования данного этнополитического мифа.

В третьем параграфе *«Российский этнополитический миф. Постмодернистский дискурс «реального»* анализируется декларируемая в последние два десятилетия демифологизация российского политического пространства. Условная деидеологизированность российского общества, что

подтверждается на примере официальных выступлений и через анализ публикаций в прессе, свидетельствует о наличии формального отказа властей от построения господствующего этнополитического мифа на классической традиционалистской основе. Это затрудняет вычленение центрального концепта в формирующемся политическом дискурсе современной России.

Однако дальнейший анализ подтверждает гипотезу о наличии центрального концепта, а также о формировании в России постмодернистского манипулятивного политического дискурса, апеллирующего к традиционным ценностям при помощи иных (относительно традиционалистского политического дискурса) выразительных средств. Это позволяет выявить концепт *«Реальный-Реальность»* в качестве центральной единицы современного российского политического дискурса. Данная ключевая единица дискурса парадоксальным образом характеризуется через так называемый дискурс *реального* или, как его называют еще в современной российской политологической литературе, дискурс «нашизма»⁶⁹. В рамках данного дискурса столь же активно, как и при искусственном формировании концептов, апеллирующих к традиционным этнополитическим мифам, используется дихотомическая связка «свой-чужой».

Концепт *«Реальный-Реальность»* изначально манипулятивен, поскольку базируется на отрицании любых идеологических построений, якобы конструируя «актуальную» картину мира. Однако, в действительности, в рамках этого дискурса формируется «приватная» картина мира, где «чужой» становится синонимом «нереального», и только «свой» обладает всей полнотой *«реальности»*. «Чужими» автоматически становятся и любые альтернативы внутри официального дискурса или конкурирующие с ним дискурсы.

Таким образом, можно сделать вывод о манипулятивном характере внешней деидеологизации российского политического пространства в 1990-е годы. Этот период можно охарактеризовать как начальный этап формирования манипулятивного концепта *«Реальность»*, который сегодня является базовым для российского этнополитического мифа.

В **Заключении** автором подводятся итоги проведенного исследования. Делается вывод, что все политические дискурсы, базирующиеся на советском

⁶⁹ См. об этом: Фадисчева М. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России // Полис, 2006, №4;

официальном политическом дискурсе и имеющие в своей основе русский язык, трансформируются разнонаправлено, в том числе, по причине оказываемого на них манипулятивного воздействия.

Отмечается, что этнополитические мифы, возникающие в результате манипулятивной трансформации концептов политического дискурса на Украине и в Киргизии, являются в своей основе традиционалистскими. Конструируемый же в России этнополитический миф признается мифом иного порядка. Его система действует по принципу отрицания самой возможности построения этнополитического мифа, являясь, таким образом, постмодернистским конструктом.

В целом, разнонаправленное развитие современного российского политического дискурса с одной стороны и русскоязычных в своей основе политических дискурсов Киргизии и Украины, а также сравнение политической успешности этих дискурсов свидетельствует о низкой политической эффективности традиционалистских мифов в современную информационную эпоху и соответственно о большей неустойчивости политических систем, строящихся на традиционалистских мифах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

- Преображенский И.С. Концепт «Кыргызстан» и его прогностическая функциональность // Вестник Российского университета дружбы народов. - Сер.: Политология. – 2007. - №4. - С. 39-48
- Преображенский И.С. Государствообразующие мифы и концепты официального политического дискурса на Украине // Современные гуманитарные исследования. – 2008. - №5. - С. 242- 247
- Преображенский И.С. Концепт и его место в политическом дискурсе // Современные гуманитарные исследования. -2008. - №5. - С.237-241

Преображенский И. С.

Политические дискурсы постсоветских государств (на примере Киргизии, Украины и России).

Диссертация посвящена изучению политических дискурсов, их ключевых концептов и господствующих этнополитических мифов в России, Киргизии и на Украине. Цель исследования - выявить трансформации политического мифа, возникающие в постсоветских государствах (Россия, Украина, Киргизия) под влиянием манипулятивного воздействия на ключевые единицы – концепты. В работе на конкретных примерах политических дискурсов России, Украины и Киргизии рассматривается роль концепта в формировании этнополитического мифа и степень эффективности собственно этнополитических мифов.

Ivan S. Preobrazhensky

The political discourses of the post-Soviet states (at the example of Kyrgyzstan, Ukraine and Russia).

The dissertation is devoted to the study of political discourses, the key concepts and the dominant ethno-political myths in Russia, Kyrgyzstan and Ukraine. The purpose of the study - to identify the transformation of the political myth that arises in post-Soviet states (Russia, Ukraine, Kyrgyzstan) under the influence of manipulative effect on the core unit - concepts. In this dissertation, specific examples of political discourse in Russia, Ukraine and Kyrgyzstan are taken for examination of the role of the concept in the formation of ethno-political myths and the effectiveness of actual ethno-political myths.

Подписано в печать: 30.04.2009

Заказ № 1967 Тираж - 120 экз.

Печать трафаретная.

Типография «11-й ФОРМАТ»

ИНН 7726330900

115230, Москва, Варшавское ш., 36

(499) 788-78-56

www.autoreferat.ru